

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Устойчивые сравнения, пунктуация и узус / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 82—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-82-99.

Seagal, K. Ya. (2024). Stable Comparisons, Punctuation, and Usage. *Nauchnyi dialog, 13* (1): 82-99. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-82-99. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-82-99

Устойчивые сравнения, пунктуация и узус

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Stable Comparisons, Punctuation, and Usage

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы способы пунктуационного маркирования устойчивых сравнений в пунктуационном узусе XX—XXI веков. Материалом исследования является микрокорпус, где представлены более 200 контекстов употребления устойчивых сравнений и близких к ним по семантике свободных сравнительных оборотов, а также окказиональных трансформов устойчивых сравнений. Пунктуационные действия с устойчивыми сравнениями рассматриваются как особый пунктуационный эксперимент, где вырабатываются разные пунктуационные реакции в зависимости от характера самих устойчивых сравнений и условий их употребления. Показано, что в пунктуационном узусе XX—XXI веков отражена тенденция к пунктуационной дифференциации не только устойчивых сравнений и свободных сравнительных оборотов, но и самих устойчивых сравнений. Доказано, что пунктуационное выделение устойчивых сравнений определяется деривационными, прагматическими и контекстно-синтаксическими факторами, которые учитываются пишущими в их пунктуационных действиях. Продемонстрировано, что если деривационные и контекстно-синтаксические факторы вызывают пунктуационное маркирование устойчивых сравнений, то прагматические факторы делают постановку выделительных запятых лишь более предпочтительной. Подчеркивается, что адекватная пунктуационная кодификация в сфере устойчивых сравнений неосуществима без обращения к показаниям пунктуационного узуса.

Ключевые слова:

пунктуация; устойчивые сравнения; свободные сравнительные обороты; пунктуационный узус; пунктуационное действие; метаязыковая рефлексия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study offers an analysis of the methods of punctuation marking for stable comparisons in the punctuation practice of the 20th and 21st centuries. The research material comprises a micro-corpus, which includes more than 200 contexts of usage for stable comparisons, semantically similar free comparative constructions, as well as occasional transformations of stable comparisons. Punctuation actions involving stable comparisons are conceptualized as a distinct punctuation experiment, wherein diverse punctuation responses are formulated contingent upon the intrinsic nature of the stable comparisons themselves and the conditions governing their use. It is demonstrated that the punctuation practice of the 20th and 21st centuries reflects a trend towards punctuation differentiation not only between stable comparisons and free comparative constructions but also within stable comparisons themselves. The analysis of punctuation facts leads to the conclusion that the punctuation marking of stable comparisons is determined by derivational, pragmatic, and context-syntactic factors, which are taken into account by writers in their punctuation actions. It is shown that while derivational and context-syntactic factors prompt punctuation marking of stable comparisons, pragmatic factors merely render the use of delimiting commas more preferable. It is emphasized that adequate punctuation codification in the realm of stable comparisons cannot be achieved without reference to the evidence of punctuation practice.

Key words:

punctuation; stable comparisons; free comparative constructions; punctuation usage; punctuation action; metalanguage reflection.

Устойчивые сравнения, пунктуация и узус

© Сигал К. Я., 2024

К 85-летию со дня рождения моего учителя —
члена-корреспондента РАН
Виктора Алексеевича Виноградова

1. Введение = Introduction

Устойчивые сравнения, образующие значительный и непрестанно пополняющийся пласт фразеологии, насчитывают более 40 тысяч единиц [Мокиенко и др., 2008, с. 6]. Подобная эмпирическая мощность устойчивых сравнений объясняется двумя причинами. Во-первых, при общем идиоматическом «сдвиге» устойчивых сравнений каждый из их компонентов не изменяется в семантическом плане [Федоров, 1985, с. 55], что способствует осознанию образно-семантических моделей устойчивых сравнений и их воплощению в разных единицах. Во-вторых, вводя эмоционально-субъективный довод, устойчивые сравнения обеспечивают иллюкутивную завершенность высказывания, что делает их в высшей мере конкурентоспособными в прагматическом плане. При этом чаще всего «в устойчивых сравнениях заключена отрицательная оценка субъекта, проявляющаяся в неодобрении, фамильярности, иронии, пренебрежении, презрении» [Лебедева, 2017, с. 8]. Несмотря на то, что большинство устойчивых сравнений имеют устно-разговорное происхождение, они давно и успешно применяются в письменной речи, особенно в художественной литературе и публицистике, как стилистически значимый показатель пристрастного отношения автора / повествователя либо персонажа к какому-либо лицу (реже — предмету).

Отображение на письме привело к тому, что устойчивые сравнения с союзом *как*, по своему синтаксическому генотипу не отличающиеся от свободных сравнительных оборотов, стали получать различную пунктуационную «упаковку»: устойчивые сравнения то выделялись двойной запятой или ее элементом (как при обособлении), то вовсе не выделялись знаками препинания (как и другие фразеологизмы). Именно поэтому еще в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года появилась жесткая пунктуационная прескрипция (§ 150): «Сравнительные обороты, ставшие устойчивыми

оборотами речи, запятыми не выделяются» [Правила ..., 1956, с. 85]. Правда, за полстолетия преодолеть пунктуационный разрыв на данном участке не удалось. Об этом свидетельствует тот факт, что в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации», подготовленном в начале XXI века, прежнюю пунктуационную прескрипцию, касающуюся устойчивых сравнений, сопровождали характерным примечанием: «Если имеются некоторые отклонения в употреблении устойчивых оборотов (порядок слов, подмена слов в устойчивых словосочетаниях и др.), то выделение возможно» (§ 90) [Правила..., 2014, с. 230]. Такого рода смягчение означает, что устойчивые сравнения далеко не однородны в разных отношениях и что это неизбежно проявляется у носителей языка, тонко чувствующих нюансы речевой материи, в неодинаковости их пунктуационных реакций. Представляется, что максимально обобщенная негативная прескрипция довольно неточно отражает то, как осуществляется пунктуационная «упаковка» устойчивых сравнений в узусе XX—XXI веков.

«Узус, — писал В. А. Виноградов, — понимается обычно как реально существующий и достаточно распространенный способ употребления языковых форм, регулируемый речевой практикой данного коллектива» [Виноградов, 2018, с. 382]. По мысли ученого, «средняя школа должна была бы сосредоточить основное внимание на обучении узусу» [Там же, с. 245]. Применительно к пунктуационному узусу это звучит крайне привлекательно. Ведь в школьные годы усваиваются только наиболее важные нормы в сфере пунктуационного маркирования, тогда как узусально значимые (по сути дела, стилистические) особенности пунктуационной вариантности оказываются почти не вовлеченными в репертуар пунктуационных действий школьника. Между тем в пунктуационном узусе, который создается квалифицированными носителями языка (писателями, журналистами и т. д.), потребности выражения тончайших оттенков смысла и коннотаций приводят к стихийному (с точки зрения нормализатора), но, как правило, обоснованному в метаязыковой рефлексии пишущих преодолению школьных (и не только) пунктуационных прескрипций. По этой причине в рамках пунктуационного узуса «“правильность” не может быть единственным параметром для оценки использования знаков препинания», так как на этот процесс влияют «многие переменные (the many variables)» и «когнитивные мотивации, лежащие в их основе» [Bertuccelli, 2022, p. 26].

Можно полагать, что в значительной мере пунктуационный узус активирован в корпусах — в частности, в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ). Посредством НКРЯ можно довольно оперативно реконструировать предпочтения и тенденции, выработанные в пунктуационном узусе в отношении устойчивых сравнений, поскольку «доступ к та-

ким большим данным значительно упрощает работу пользователей с языком» [Bybee, 2010, p. 10]. Именно это является целью настоящей статьи.

Актуальность исследования состоит в интерпретации пунктуационных действий, проявляющихся в наличии / отсутствии пунктуационного маркирования устойчивых сравнений, как перманентно осуществляемого в письменной речевой деятельности «пунктуационного эксперимента» [Кольцова, 2006, с. 11], где вырабатываются разные пунктуационные реакции в зависимости от характера самих устойчивых сравнений и условий, в которых они употребляются.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней, во-первых, обоснована неодинаковость пунктуационного маркирования устойчивых сравнений на основе положения о принципиальной неустранимости сознательного начала в пунктуационном действии; во-вторых, в результате анализа данных НКРЯ определены и верифицированы факторы, влияющие на пунктуационное маркирование устойчивых сравнений в узусе XX—XXI веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили устойчивые сравнения с компонентом *рыба* и другие устойчивые сравнения и свободные сравнительные обороты, близкие к ним по семантике, а также окказиональные трансформы устойчивых сравнений. Всего было проанализировано в пунктуационном аспекте более 200 контекстов, извлеченных из основного и отчасти газетного подкорпусов НКРЯ. При освещении пунктуационных фактов всякий раз указывается количественное соотношение выделенных / не выделенных знаками препинания прецедентов и устанавливаются факторы, обусловившие предпочтение того или иного способа пунктуационного маркирования (ср. [Bybee, 2010, p. 10]).

В процессе исследования устойчивых сравнений в аспекте пунктуации узуса применялись такие методы, как корпусный анализ, контекстно-семантическая параметризация пунктуационных вариантов, сопоставление пунктуационных прескрипций с пунктуационной практикой.

Важно отметить, что в фундаментальных трудах, посвященных комплексному описанию устойчивых сравнений [Лебедева, 1999; Огольцев, 1978; Устойчивые сравнения..., 2016], проблема их пунктуационной «упаковки» почти не затрагивается. При обращении же к ней, как правило, не занимаются тем, что имеет место в пунктуационной практике, а настаивают на одном из двух вариантов пунктуационной кодификации: либо отказывают обособлению устойчивых сравнений в правах гражданства на том основании, что выделительные запятыя недопустимы в границах фразеологизма [Кобелева, 2009, с. 37], либо требуют единообразного пунктуаци-

онного маркирования устойчивых сравнений и свободных сравнительных оборотов [Мокиенко и др., 2008, с. 8; Некрасова, 1979, с. 226—227]. Оба эти решения не находят, однако, поддержки в пунктуационном узусе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Устойчивые сравнения с точки зрения пунктуации

При сопоставлении устойчивых сравнений и свободных сравнительных оборотов обнаруживаются как сходства, так и различия. С одной стороны, свободные сравнительные обороты и устойчивые сравнения строятся на основе категориальной ситуации сравнения (компаративности), в которой взаимодействуют субъект сравнения, признак сравнения и объект сравнения, и имеют единое средство выражения — сравнительный союз (чаще всего — *как*). С другой стороны, если устойчивые сравнения относятся к языку и, будучи номинативным ресурсом, только лишь воспроизводятся в речи, то свободные сравнительные обороты принадлежат речи и производятся в процессе лексического воплощения модели сравнительной конструкции. Специфика устойчивых сравнений заключается в том, что они воспроизводятся в закреплённом составе (отсюда — их устойчивость) и наряду с компаративной семантикой, поддерживаемой их внутренней формой, могут иметь целостное фразеологическое значение. Все это дало основания считать, что при свободных сравнительных оборотах и устойчивых сравнениях представлены разные пунктуационные позиции, которые должны отличаться и по своему пунктуационному оформлению: если свободные сравнительные обороты выделяются двойной запятой или ее элементом, то устойчивые сравнения вовсе не выделяются.

В чисто умозрительном плане подобную пунктуационную дифференциацию соблести довольно легко: если носителю языка известно устойчивое сравнение, то он опознает это устойчивое сравнение в чужой (например, при диктовке) и тем более в своей письменной речи и оставляет без выделения; если он строит сравнительный оборот заново либо не отождествляет его с устойчивым сравнением в чужой речи, то выделяет его. В эмпирическом же плане эта пунктуационная дифференциация последовательно не проводится: нередко пишущие (не только школьники!) оформляют устойчивые сравнения по аналогии со свободными сравнительными оборотами, делая это вполне намеренно. Примечательно, что в школе «ошибочное выделение» устойчивых сравнений «не учитывается при оценке» [Блинов, 1990, с. 61]: по-видимому, статус пунктуационной ошибки здесь не во всех случаях очевиден. Для того чтобы перейти к ответу на вопрос о том, почему маркирование конкретных устойчивых сравнений в пунктуационном узусе неодинаково, необходимо сначала остановиться

на ведущей особенности пунктуационного действия как такового, а затем дать общую характеристику тех факторов (относительно нормы — помех), благодаря которым пунктуационные действия с устойчивыми сравнениями, вопреки пунктуационной прескрипции, приводят к выделению устойчивых сравнений запятыми.

Пунктуационное действие — двуединый целенаправленный акт, в котором обнаруживается пунктуационная позиция (то есть условия для того, чтобы поставить или не поставить знак препинания) и принимается решение о маркировании ее тем или иным знаком препинания либо об отказе от ее пунктуационного маркирования. В теории пунктуации наблюдается единство в понимании психологического механизма пунктуационных действий. Так, согласно В. Я. Булохову, пунктуационное действие в принципе не может быть доведено до автоматизма, потому что «это не навык, а умение» [Булохов, 2009, с. 34]. Именуя пунктуационное действие то навыком, то умением, А. В. Дудников обращает внимание на то, что «постоянное участие сознания, активная работа мысли в момент употребления знаков препинания составляет специфическую и главнейшую психологическую особенность умения правильно пользоваться средствами пунктуации» [Дудников, 1963, с. 120]. В процессе самонаблюдения обнаруживаются, с одной стороны, «до конца не автоматизируемые элементы» [Богоявленский, 1966, с. 104] пунктуационных действий, а с другой стороны, «сознательное вмешательство в <...> ход» [Рубинштейн, 2001, с. 455] пунктуационных действий даже при доведении их до автоматизма. Это означает, что в пунктуационном действии приоритет отдан не автоматизации, а сознательному началу и что пунктуационное действие — это всегда акт метаязыковой рефлексии. По этой причине стоит согласиться с утверждением Н. Л. Шубиной о том, что в пунктуационных действиях (и, несомненно, в их результатах) проявляется не только «знание языка», но и «знание о языке» [Шубина, 2006, с. 59].

Пунктуационные действия с устойчивыми сравнениями, ничем в этом не отличаясь от других пунктуационных действий, сопровождаются метаязыковым осознанием особенностей устойчивых сравнений и условий, в которых они употребляются, что исключает автоматический и — как следствие — единообразный характер пунктуационного маркирования устойчивых сравнений. Так, если пишущий отождествит устойчивое сравнение по составу и по семантике с той единицей, которая хранится в его памяти и стабильно встречается в создаваемых / читаемых им текстах, при этом не редуцируя устойчивое сравнение в «мысленном черновике» [Выготский, 2006, с. 997] до синтаксического показателя сравнительных отношений — союза *как*, то, скорее всего, он оставит устойчивое сравнение без пунктуационного выделения. Наоборот, если пишущий заметит

какой-либо фактор, приводящий к «расшатыванию» пунктуационной позиции устойчивого сравнения, то его пунктуационная реакция может быть только одна — маркирование устойчивого сравнения посредством двойной запятой или ее элемента. Эти факторы обнаруживаются в трех сферах: деривационной, прагматической и контекстно-синтаксической, причем если первая и вторая сферы касаются самого устойчивого сравнения как языкового знака, то третья — взаимодействия устойчивого сравнения с синтаксическими операциями, конструкциями и формантами, предполагающими обязательное пунктуационное маркирование.

Деривационные факторы влияют на пунктуационную позицию устойчивого сравнения потому, что в процессе продуцирования высказывания может происходить образование окказиональных трансформов устойчивых сравнений путем расширения компонентного состава, контаминации и т. д. Окказиональные трансформы устойчивых сравнений появляются в тех случаях, когда языковое устойчивое сравнение «не прошло контроль» на выполнение авторских интенций, не удовлетворило автора речи по каким-либо конкретным характеристикам, но вместе с тем остается более предпочтительным средством, нежели другие знаки» [Третьякова, 2011, с. 43]. За счет выделительных запятых окказиональные трансформы устойчивых сравнений, являющиеся сугубо речевыми структурами, в собственно пунктуационном плане ограничиваются от языковых устойчивых сравнений.

Прагматические факторы, связанные с тем, как воспринимаются устойчивые сравнения носителями языка и насколько те или иные устойчивые сравнения востребованы ими, способствуют росту применения двойной запятой или ее элемента. Таковы, например, ощущение оригинальности устойчивого сравнения и высокая продуктивность образно-семантической модели устойчивого сравнения — факторы, которые придают устойчивым сравнениям, обычно и так экспрессивно выделенным структурам, метаязыковую коннотацию новизны.

Контекстно-синтаксические факторы возникают тогда, когда левая граница пунктуационной позиции устойчивого сравнения, проходящая по сравнительному союзу *как*, вследствие особенностей синтаксической организации высказывания соприкасается с позицией подвергнутого эллипсису признака сравнения — сказуемого, совпадает с правой границей обособленной конструкции или интерпозитивной придаточной части, наконец, входит в состав расчлененного союза типа *так же..., как <u>*. Тире (при эллипсисе) или запятая (в остальных случаях) перед союзом *как*, являющимся ингредиентом устойчивого сравнения, здесь неизбежно ставятся, хотя эти знаки препинания обусловлены исключительно синтаксическим контекстом устойчивых сравнений.

Несмотря на то, что деривационные, прагматические и контекстно-синтаксические факторы определяют постановку при устойчивых сравнениях двойной запятой или ее элемента (гораздо реже — других знаков препинания), учет этих факторов в пунктуационных действиях связан с пониманием устойчивого сравнения как целостной фразеологической единицы языка. Характерно, что такая же пунктуационная реакция возникает и тогда, когда пишущий реализует ориентировку только на синтаксическую форму устойчивого сравнения, в которой нет чего-либо специфического для устойчивого сравнения как такового. Однако в пунктуационном узусе, запечатленном в НКРЯ, подобные пунктуационные реакции (строго говоря, ошибки) не являются преобладающими.

3.2. Устойчивые сравнения в пунктуационном узусе

Как известно, устойчивое сравнение *молчать как рыба* ‘о чем-либо упорном молчании, намеренном нежелании говорить’ [Мокиенко и др., 2008, с. 585] включено в перечень наиболее распространенных устойчивых сочетаний с союзом *как*, не требующих обособления [Розенталь, 1996, с. 284]. В выборке из НКРЯ, ограниченной формой глагола 3-го лица, единственного числа, настоящего времени, представлены 18 реализаций этого устойчивого сравнения. Среди них 12 (67 %) не имеют пунктуационного маркирования и 6 (33 %) выделены элементом двойной запятой. Ср.: *Знаю наизусть все пять тригоринских фраз из первого акта, где он молчит как рыба <...>* (М. Козаков. Актерская книга) [НКРЯ]; *<...> приезжаешь на дачу, и телефон молчит как рыба* (Е. Арсюхин. «Мобильное рабство» продлится до весны // Комсомольская правда. 14.09.2013) [НКРЯ] и *<...> Орлов молчит, как рыба* (И. Бродский. Коллекционный экземпляр) [НКРЯ]; *Пусть она (Пэн. — К. С.) здесь молчит, как рыба!* (В. Конецкий. Начало конца комедии) [НКРЯ]. В обоих случаях пунктуационного выделения устойчивого сравнения представлен левый элемент двойной запятой, тогда как правый ее элемент поглощен конечным знаком препинания. Очевидно, что в данном случае невыделенных устойчивых сравнений в два раза больше, чем выделенных. Это означает, что в пунктуационных действиях с устойчивыми сравнениями пишущие сосредоточены в большей степени на устойчивом сравнении как на фразеологическом знаке, чем на синтаксической форме устойчивого сравнения (точнее — на ее союзном показателе).

Эту закономерность подтверждает пунктуационная дифференциация устойчивого сравнения *молчит как рыба* и его свободного омонима, употребленных в одном и том же тексте. Ср.: *Если рыба молчит, как рыба, то камень молчит, как камень и Рыба хладнокровна и потому молчит как рыба, даже когда разрываешь ей губы и жабры, извлекая проглоченный крючок <...>* (В. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы

о воде и камнях) [НКРЯ]. В обоих случаях субъект сравнения (подлежащее) лексически тождествен объекту сравнения. Однако если в свободном сравнительном обороте объект сравнения кореферентен подлежащему, то в устойчивом сравнении — нет. На эту кореферентность в первом высказывании дополнительно указывает аналогичность построения обеих предикативных частей, образующих при союзе *если..., то* центры сопоставления. Подчеркнем, что в первом высказывании имеется так называемая «суммарная запятая» [Руденко, 2005], в которой совпадают правый элемент двойной (выделительной) запятой, закрывающий устойчивое сравнение, и запятая, разделяющая предикативные части. Понятно, что способы пунктуационного маркирования устойчивого сравнения и его свободного омонима не являются взаимозаменяемыми, то есть свободная вариантность этих способов исключена.

Под влиянием такого деривационного фактора, как расширение компонентного состава, пунктуационное выделение устойчивого сравнения *молчит как рыба* становится более ожидаемым. Ср., например: *Между тем с 8 апреля молчит, как рыба в пирожке* (Е. Астафурова. Игорь Пушкарев: Пока не пнешь, не полетит // Комсомольская правда. 13.05.2011) [НКРЯ]. В окказиональном трансформе, созданном благодаря распространению объекта сравнения атрибутивно-локативным компонентом, несколько изменяется образная «картинка», передаваемая исходным устойчивым сравнением, но не его значение. Согласно И. Ю. Третьяковой, «введение переменных компонентов <...> не приводит к качественному преобразованию фразеологизма» [Третьякова, 2011, с. 61]. Однако в конкретном пунктуационном действии окказиональный трансформ не отождествляется с устойчивым сравнением, на основе которого он образован.

По образно-семантической модели устойчивого сравнения *молчит как рыба* производятся авторские сравнительные обороты. Эти свободные структуры появляются в результате субституции объекта сравнения, причем семантические основания подобной замены могут быть далеко не очевидными. По сути дела, такие свободные сравнительные обороты являются авторскими вариантами устойчивого сравнения. Судя по данным НКРЯ, их разные прецеденты подлежат пунктуационному выделению. Ср.: — *Он (Борис. — К. С.) даже перестал дружить с Любой, и теперь все с Варей, потому что Варя молчит, как дыня* <...> (М. Горький. Жизнь Клима Самгина) [НКРЯ]; — *Вот и веселей мне будет, а то, верите ль, — ехал тут один <...> сидит, пыхтит та молчит, как... как... тульский пряник* (С. Сергеев-Ценский. Движения) [НКРЯ]. Подобные варианты устойчивого сравнения создаются авторами, но как бы передоверяются персонажам, в чьей речи они могли бы быть уместны. Так, в примере из С. Сергеева-

Ценского представлена реплика поляка Антона Антоновича. Особенности его речи показаны с помощью графона (изображено произнесение парного глухого согласного на месте звонкого в структуре соединительного союза), а также повтора сравнительного союза и многоточия, изображающего паузы хезитации. Интересно, что паузы хезитации появляются в речи этого персонажа именно в момент выбора объекта сравнения.

На основе данной образно-семантической модели созданы относительно новые устойчивые сравнения, получившие словарную фиксацию и отличающиеся широтой употребления. Таково, в частности, устойчивое сравнение *молчать как партизан (партизанка)* ‘упорно молчать, несмотря на усилия со стороны кого-либо’ (ср. [Лебедева, 2017, с. 212]). Это устойчивое сравнение, ставшее особенно востребованным в послевоенный период, до сих пор воспринимается пишущими как оригинальное, аллюзивно-событийное по своему генезису средство перевода высказывания в регистр шутки. Как представляется, именно ощущением оригинальности данного устойчивого сравнения, вступающего в синонимические отношения с устойчивым сравнением *молчать как рыба*, обусловлена тенденция к его пунктуационному выделению. По данным НКРЯ, среди 29 его употреблений во всех финитных формах глагола 20 (69 %) выделены элементом двойной запятой и 9 (31 %) не имеют пунктуационного выделения. Ср.: — *И мама молчит, как партизан <...>* (Г. Щербаква. Моление о Еве) [НКРЯ]; *Вот уже полгода моя машинка упорно молчит, как партизанка* (Ф. Искандер. Сюжет существования) [НКРЯ] и *На дальнейшие распросы, куда подевались пуговицы, Гаянэ молчала как партизан* (Н. Абгарян. Все о Манюне) [НКРЯ]; *Она (Танюша. — К. С.) старалась скрыть свои чувства и поэтому молчала как партизан* (М. Трауб. Замочная скважина) [НКРЯ]. В отличие от употреблений устойчивого сравнения *молчит как рыба*, где невыделенных устойчивых сравнений в два раза больше, чем выделенных, в данном случае, наоборот, невыделенных устойчивых сравнений в два раза меньше, чем выделенных.

Действие такого прагматического фактора, как ощущение оригинальности устойчивого сравнения, косвенно подтверждается тем, что имя существительное *партизан*, выступающее в функции объекта сравнения, регулярно включается во взаимодействие с разными признаками сравнения в свободных оборотах, обнаруживая свой компаративный потенциал. Ср.: *Хотя к тому времени уже был холостяк непоколебимый, стойкий, как партизан <...>* (А. Кабаков. Масло, запятая, холст) [НКРЯ]; *<...> Артист <...> явится голодный, как партизан после рейда по тылам противника* (В. Левашов. Заговор патриота) [НКРЯ]; *Ему (Гурке. — К. С.) не поверили, но он стоял на своем, как партизан* (А. Чудаков. Ложится мгла

на старые ступени) [НКРЯ]. В таких свободных сравнительных оборотах объект сравнения может получать атрибутивную конкретизацию (в частности, посредством атрибутивно-темпорального распространителя, как в примере из В. Левашова). Любопытно, что при наличии нераспространенного объекта сравнения в подобных свободных структурах не всегда имеется пунктуационное выделение. Ср.: *Ходил* (Федорцов. — К. С.) *он не в милицмейской форме, а был одет как партизан* (Л. Хейфец. Вспохои) [НКРЯ]; — *Вино крымское привез и сидит как партизан* (А. Берсенева. Полет над разлукой) [НКРЯ].

В высказывании компоненты устойчивых сравнений обычно размещаются в определенном порядке. В частности, объект сравнения в большинстве случаев стоит после признака сравнения. При инверсии сравнительный союз вместе с объектом сравнения синтагматически выделяются, что может получать отражение в пунктуационном маркере — двойной запятой. Подобная пунктуационная реакция допускается современными нормализаторами [Правила ..., 2014, с. 230]. Стоит, однако, отметить, что в пунктуационном узусе встречаются как выделенные, так и не выделенные запятыми инверсированные части устойчивых сравнений. Ср.: *И представляете, как партизан, молчит, не говорит, из какого он* (Женя. — К. С.) *класса* (С. Рябцева. Дети восьмидесятых) [НКРЯ] и — *Я все ждал, спросите вы или как партизанка будете молчать до конца?* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем) [НКРЯ].

Пунктуационную позицию устойчивого сравнения преобразует такой деривационный фактор, как контаминация, при которой посредством неполного наложения из двух устойчивых сравнений образуется единый окказиональный трансформ. Например, в результате контаминации устойчивых сравнений *молчат как рыба* и *биться как рыба об лед* ‘о жизни в крайней нужде, постоянных лишениях, невзгодах’ [Мокиенко и др., 2008, с. 584] появился окказиональный трансформ *молчат как рыба об лед*. В этом окказиональном трансформе «происходит затемнение фразеологической образности» [Третьякова, 2011, с. 88], что вообще свойственно контаминированным устойчивым структурам. На первый план в его семантике выходит интенсификация значения устойчивого сравнения *молчат как рыба*, чему способствует сохранение в составе окказионального трансформы признака сравнения именно этой единицы. Примечательно, что словарную фиксацию рассматриваемый контаминант получил в форме императивного высказывания *Молчи как рыба об лед! с семантикой ‘Замолчи! Заткнись!’* [Мокиенко и др., 2008, с. 585]. В выборке из НКРЯ оказалось 3 употребления этого окказионального трансформы, причем во всех них имеется пунктуационное маркирование — элемент двойной запятой

в выделительной функции. Ср.: — *Дней пять мы сидели с ним* (с Дрелингом. — К. С.) *в камере вдвоем. Молчит, как рыба об лед* (В. Гроссман. Жизнь и судьба) [НКРЯ]; *И уж понятно кто, если молчит, как рыба об лед* (Д. Симонова. Шанкр) [НКРЯ].

Устойчивое сравнение <нужен> *как рыбе зонтик* ‘совершенно, абсолютно не нужен’ [Бирих и др., 2005, с. 617] обеспечивает «втягивание» иронической предикации, основанной на оксюморонном образе, в сферу выражения алетической модальности. Образно-семантическая модель, по которой образовано это устойчивое сравнение, является «особенно продуктивной среди устойчивых сравнений, утверждающих отсутствие необходимости» [Там же]. Если в цитируемом словаре отмечены 5 таких устойчивых сравнений [Там же], то в специальной статье И. В. Кузнецовой их приведено более 50 [Кузнецова, 2016, с. 91—97]. Высокая продуктивность образно-семантической модели, по которой образовано устойчивое сравнение <нужен> *как рыбе зонтик*, дает основания пишущим видеть в самом устойчивом сравнении свежую, необычную, как будто бы только что обретенную и пригодную именно *hic et nunc* единицу. Этот прагматический фактор препятствует однотипной пунктуационной обработке устойчивого сравнения. Действительно, в НКРЯ обнаружено 9 употреблений устойчивого сравнения <нужен> *как рыбе зонтик*, из них в 6 (67 %) имеются выделительные запятыя, а в 3 (33 %) пунктуационное выделение отсутствует. Получается, что выделенных устойчивых сравнений в два раза больше, чем невыделенных. Ср.: *Нужна мне ваша похвала, как рыбе зонтик* (М. Полетика. Однажды была осень) [НКРЯ]; — *Нужна тебе эта аспирантура, как рыбе зонтик* (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный) [НКРЯ] и *Поначалу кажется, что дитя нужно Бруно как рыбе зонтик* <...> (В. Прокофьев. Сюрпризы Канн-2005 // Труд-7, 24.05.2005) [НКРЯ]; <...> *а наши* (двух филологов. — К. С.) *советы нужны были ему как рыбе зонтик* (В. Белоусова. По субботам не стреляю) [НКРЯ].

Пунктуационное маркирование в высказываниях с устойчивым сравнением <нужен> *как рыбе зонтик* может быть связано не с прагматическим выдвижением самого устойчивого сравнения, а с контекстно-синтаксическими факторами, идущими от специфики синтаксической организации конкретного высказывания. Обратимся к нескольким примерам.

Ср.: *Мне, например, фонарь в темноте — как рыбе зонтик* (В. Кунин. Кыся) [НКРЯ]. В этом высказывании происходит эллипсис признака сравнения, который маркируется тире как знаком неполноты. Согласно М. Л. Ковшовой, «такое невыражение признака сравнения, по сути, невыражением не является, поскольку словесное выражение замещается невербальными средствами: в письменном тексте — тире, в устной речи — паузой» [Ковшо-

ва, 2016, с. 51]. Однако такого рода эллипсис далеко не всегда обозначается посредством тире. Ср.: — <...> *Но ей-то* (Тане. — К. С.) *эта дача точно как рыбе зонтик* (А. Волос. Недвижимость) [НКРЯ]. По-видимому, необходимость тире при эллипсисе признака сравнения в этой устойчивой структуре связана с тем, что собственно компаративный сегмент устойчивого сравнения способен полноценно выразить признак сравнения, он как бы вбирает в себя его семантику. Именно поэтому при словарной подаче данной устойчивой единицы признак сравнения берется в угловые скобки.

Ср. также: <...> *и нужны они* (эти милые дамы. — К. С.) *друг другу, если разобратся, как рыбе зонтик* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений») [НКРЯ]. В данном случае признак сравнения значительно дистанцирован от союзной части устойчивого сравнения, которая выделена запятой. Этот знак препинания может получить двойное истолкование: либо мы имеем дело с правым элементом двойной запятой, маркирующим границу условно-вводной придаточной части, либо с суммарной запятой, в которой только что названный элемент соединен с левым элементом двойной запятой, выделяющей устойчивое сравнение. В рамках высказывания эту своеобразную пунктуационную неопределенность (ambiguity) преодолеть невозможно.

При включении союзного показателя устойчивого сравнения *как* в состав расчлененного соединительно-сопоставительного союза *так же..., как <и>* разделительная запятая оказывается перед союзной частью устойчивого сравнения. Ср.: *Ясно было: возникает скандал, а он так же нужен шахматам, как рыбе зонтик* (Я. Дамский. «Кому он нужен, этот Васька?»). Крик души нашего шахматного обозревателя по поводу дисквалификации Василия Иванчука // Советский спорт. 06.12.2008) [НКРЯ]. В данном случае то обстоятельство, что постановка запятой не обусловлена пунктуационным действием с устойчивым сравнением, подтверждается тем, что запятая является одиночной и выполняет разделительную функцию.

4. Заключение = Conclusions

Итак, становится понятно, что в пунктуационном узусе XX—XXI веков представлены разные способы пунктуационного маркирования устойчивых сравнений. Более того, одно и то же устойчивое сравнение у разных пишущих то выделяется двойной запятой или ее элементом, то не выделяется. Однако это не значит, что на данном участке пунктуационного узуса царит хаос. Анализ пунктуационных фактов показывает, что постановка знака препинания при устойчивых сравнениях определяется рядом факторов, которые учитывают пишущие в пунктуационных действиях

с устойчивыми сравнениями. При этом стоит отметить, что если деривационные и контекстно-синтаксические факторы вызывают пунктуационное маркирование устойчивых сравнений, то прагматические — лишь делают постановку выделительных запятых в устойчивых сравнениях более предпочтительной. Кроме того, пунктуационному выделению устойчивых сравнений способствует ориентировка на их синтаксическую форму (конкретнее — на сравнительный союз), приводящая, впрочем, не только к недооценке фразеологической сущности устойчивых сравнений, но и к пунктуационной ошибке.

Анализ материала НКРЯ свидетельствует о том, что пунктуационное маркирование устойчивых сравнений — это сложная задача, для решения которой требуется учет как особенностей устойчивых сравнений, так и тех условий, в которых они употребляются. Эта задача становится для пишущих чем-то похожей на пунктуационный эксперимент, в котором необходимо установить фактор, определяющий приемлемую пунктуационную реакцию. При этом в такого рода экспериментах пунктуационные реакции «вырабатываются явочным порядком» [Кольцова, 2006, с. 11]: многие из них не обусловлены нормой. Вопреки тезису о том, что «стихия узуса обуздывается престижем нормы» [Виноградов, 2018, с. 226], применительно к устойчивым сравнениям можно утверждать, что пунктуационная норма складывается или, по меньшей мере, уточняется в пунктуационном узусе. Совсем не случайно в пунктуационной прескрипции начала XXI века сделана попытка несколько ограничить сферу действия нормы, согласно которой устойчивые сравнения не подлежат выделению запятыми [Правила ..., 2014, с. 229—230]. Несомненно, это был поворот в сторону пунктуационного узуса.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бирях А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирях, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : АСТ, 2005. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : краткий тематический словарь. 3-е изд. / Л. А. Лебедева. — Москва : ФЛИНТА, 2017. — 283 с. — ISBN 978-5-9765-1239-9.
3. Мокиенко В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.
4. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 19.07.2023).

Литература

1. *Блинов Г. И.* Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. / Г. И. Блинов. — Москва : Просвещение, 1990. — 208 с. — ISBN 5-09-001105-2.
2. *Богоявленский Д. Н.* Психология усвоения орфографии. 2-е изд. / Д. Н. Богоявленский. — Москва : Просвещение, 1966. — 307 с.
3. *Булохов В. Я.* Пунктуационные действия: умения или навыки? / В. Я. Булохов // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. — 2009. — № 6. — С. 31—35.
4. *Виноградов В. А.* Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / В. А. Виноградов. — Москва : Языки славянских культур, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-907117-46-4.
5. *Выготский Л. С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. — Москва : Смысл ; Эксмо, 2006. — 1136 с. — ISBN 5-699-13728-9.
6. *Дудников А. В.* Методика синтаксиса и пунктуации в восьмилетней школе / А. В. Дудников. — Москва : Учпедгиз, 1963. — 439 с.
7. *Кобелева И. А.* Фразеологическая единица с точки зрения пунктуации / И. А. Кобелева // Русский язык в школе. — 2009. — № 5. — С. 36—39.
8. *Ковшова М. Л.* Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения : возможности и ограничения на употребление / М. Л. Ковшова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / Отв. ред. В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : СПбГУ ; Университет Грайфсвальда, 2016. — С. 50—58. — ISBN 978-5-8465-1529-1.
9. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.
10. *Кузнецова И. В.* Русские устойчивые сравнения с семантикой ‘совсем не нужен’ и ‘очень нужен’ / И. В. Кузнецова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии / Отв. ред. В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : СПбГУ ; Университет Грайфсвальда, 2016. — С. 90—100. — ISBN 978-5-8465-1529-1.
11. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии / Л. А. Лебедева. — Краснодар : КубГУ, 1999. — 192 с. — ISBN 5-8209-0022-7.
12. *Некрасова Е. А.* Пунктуация при сравнениях с союзом *как* в современных поэтических текстах / Е. А. Некрасова // Современная русская пунктуация / Отв. ред. Л. И. Скворцов. — Москва : Наука, 1979. — С. 222—235.
13. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. — Ленинград : ЛГУ, 1978. — 160 с.
14. *Правила русской орфографии и пунктуации.* — Москва : Учпедгиз, 1956. — 176 с.
15. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник* / Под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. — 432 с. — ISBN 978-5-462-00930-3.
16. *Розенталь Д. Э.* Справочник по орфографии и пунктуации / Д. Э. Розенталь. — Москва : СТОЛЕТИЕ, 1996. — 368 с. — ISBN 5-7459-0077-6.
17. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 720 с. — ISBN 314-00016-4.
18. *Руденко А. К.* Взаимодействие знаков препинания : суммарная усложненная запятая / А. К. Руденко // Русский язык в школе. — 2005. — № 1. — С. 18—24.
19. *Третьякова И. Ю.* Окказиональная фразеология / И. Ю. Третьякова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. — 290 с. — ISBN 978-5-7591-1219-8.

20. *Устойчивые* сравнения в системе фразеологии / отв. ред. В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : СПбГУ ; Университет Грайфсвальда, 2016. — 278 с. — ISBN 978-5-8465-1529-1.

21. Федоров А. И. Образная речь / А. И. Федоров. — Новосибирск : Наука, 1985. — 119 с.

22. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Академия, 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.

23. Bertuccelli M. The cognitive complexity of punctuation / M. Bertuccelli // *Lingue e linguaggi*. — 2022. — Vol. 54. — Pp. 15—29. — DOI: 10.1285/i22390359v54p15.

24. Bybee J. *Language, usage and cognition* / J. Bybee. — New York : Cambridge University Press, 2010. — 262 p. — ISBN 978-0-521-61683-6.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2023,
одобрена после рецензирования 27.12.2023,
подготовлена к публикации 10.01.2024.*

Material resources

Birikh, A. K., Mokienko, V. K., Stepanova, L. I. (2005). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary*. Moscow: AST. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).

Lebedeva, L. A. (2017). *Stable comparisons of the Russian language: a short thematic dictionary. 3rd ed.* Moscow: FLINT. 283 p. ISBN 978-5-9765-1239-9. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *The Great Dictionary of Russian Folk Comparisons*. Moscow: OLMA Media Group CJSC. 800 p. ISBN 978-5-373-01351-2. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 19.07.2023). (In Russ.).

References

Bertuccelli, M. (2022). The cognitive complexity of punctuation. *Lingue e linguaggi*, 54: 15—29. — DOI: 10.1285/i22390359v54p15.

Blinov, G. I. (1990). *Methods of studying punctuation at school. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 208 p. ISBN 5-09-001105-2. (In Russ.).

Bogoyavlensky, D. N. (1966). *Psychology of learning spelling. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 307 p. (In Russ.).

Bulokhov, V. Ya. (2009). Punctuation actions: skills or abilities? *Scientific notes of the N. G. Chernyshevsky Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University*, 6: 31—35. (In Russ.).

Bybee, J. (2010). *Language, usage and cognition*. New York: Cambridge University Press. 262 p. ISBN 978-0-521-61683-6.

Dudnikov, A. V. (1963). *Methods of studying syntax and punctuation in an eight-year school*. Moscow: Uchpedgiz. 439 p. (In Russ.).

Fedorov, A. I. (1985). *Figurative speech*. Novosibirsk: Nauka. 119 p. (In Russ.).

Kobeleva, I. A. (2009). Phraseological unit from the point of view of punctuation. *Russian language at school*, 5: 36—39. (In Russ.).

Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text*. Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2016). Phraseological comparative constructions with an unexpressed sign of comparison: possibilities and restrictions on use. In: *Stable comparisons in*

- the system of phraseology*. St. Petersburg; Greifswald: St. Petersburg State University; University of Greifswald. 50—58. ISBN 978-5-8465-1529-1. (In Russ.).
- Kuznetsova, I. V. (2016). Russian stable comparisons with the semantics of ‘not needed at all’ and ‘very necessary’. In: *Stable comparisons in the system of phraseology*. St. Petersburg; Greifswald: St. Petersburg State University; University of Greifswald. 90—100. ISBN 978-5-8465-1529-1. (In Russ.).
- Lebedeva, L. A. (1999). *Stable comparisons of the Russian language in phraseology and phraseography*. Krasnodar: KubGU. 192 p. ISBN 5-8209-0022-7. (In Russ.).
- Nekrasova, E. A. (1979). Punctuation in comparisons with the conjunction *kak* (‘as’) in modern poetic texts. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka. 222—235. (In Russ.).
- Ogoltsev, V. M. (1978). *Stable comparisons in the system of Russian phraseology*. Leningrad: LSU. 160 p. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (1966). *Handbook of spelling and punctuation*. Moscow: CENTURY. 368 p. ISBN 5-7459-0077-6. (In Russ.).
- Rubinstein, S. L. (2001). *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Peter. 720 p. ISBN 314-00016-4. (In Russ.).
- Rudenko, A. K. (2005). Interaction of punctuation marks: a total complicated comma. *Russian language at school, 1*: 18—24. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation*. (1956). Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation. The Complete Academic Handbook*. (2014). Moscow: AST-PRESS BOOK. 432 p. ISBN 978-5-462-00930-3. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). *Punctuation of the modern Russian language*. Moscow: Akademiya. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).
- Stable comparisons in the system of phraseology*. (2016). St. Petersburg; Greifswald: St. Petersburg State University; University of Greifswald. 278 p. ISBN 978-5-8465-1529-1. (In Russ.).
- Tretyakova, I. Y. (2011). *Occasional phraseology*. Kostroma: KSU named after N. A. Nekrasov. 290 p. ISBN 978-5-7591-1219-8. (In Russ.).
- Vinogradov, V. A. (2018). *Articles on general linguistics, comparative studies, typology*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 544 p. ISBN 978-5-907117-46-4. (In Russ.).
- Vygotsky, L. S. (2006). *Psychology of human development*. Moscow: Smysl; Eksmo. 1136 p. — ISBN 5-699-13728-9. (In Russ.).

*The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 27.12.2023;
accepted for publication 10.01.2024.*